

Военная фантастика

Александр Михайловский
Александр Харников

ЦАРЬГРАД

Путь в Царьград

Афинский синдром

Встречный марш

Время русских

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М69

Серия «ВФ-коллекция»

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

**М69 Михайловский, Александр Борисович
Харников, Александр Петрович**

Царьград: Путь в Царьград. Афинский синдром. Встречный марш. Бремя русских: сборник / Александр Михайловский, Александр Харников. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 992 с. — (ВФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-096029-3

Зимой 2012 года эскадра российских кораблей, направленная к берегам Сирии, неожиданно проваливается в год 1877-й. Уже началась очередная Русско-турецкая война. Войска императора Александра II готовятся к форсированию Дуная. И русские моряки не раздумывая приходят на помощь своим предкам. Эскадра с боем прорывается в Проливы и захватывает Стамбул — древний Царьград.

Выходцы из XXI века решили создать на обломках Османской империи новое государство — Югороссию. Новым соседям рада Греция, но Британская и Австро-Венгерская империи в гневе — кто посмел вторгнуться в сферу их интересов?

Но, как оказалось, даже могучей Британии эскадра пришельцев из будущего оказалась не по зубам.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Александр Михайловский,
Александр Харников, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-096029-3

Путь в Царьград

*Авторы благодарят за помощь и поддержку
Юрия Жукова и Макса Д (он же Road Warrior).*

ПРОЛОГ

ДАН ПРИКАЗ ЕМУ НА ЗАПАД

*17 декабря 2012 года, порт Усть-Луга,
Ленинградская область*

Водная поверхность Лужской губы курилась морозным паром, едва прихваченная тонким хрустящим ледком. Начало зимы в этом году в Питере выдалось морозным, с обильными снегопадами.

Лайнер «Колхида» под флагом вспомогательных судов российских ВМС стоял у причала, одетый в белое кружево инея. Над водой пронзительно голосили чайки.

Я прогуливался по пирсу, вздрагивая от холодного ветра, дующего с залива. Даже теплая зимняя куртка на меху не помогала, и я зябко ежился, наблюдая за деловой суетой докеров, опускавших в трюмы транспортного судна «Колхида» контейнеры защитного цвета без обычной грузовой маркировки. Рядом, у причалов, стояли учебные суда Балтфлота «Смольный», «Перекоп» и белоснежный плавучий госпиталь Черноморского флота «Енисей», прошедший в Питере текущий ремонт. Царила обычная в таких случаях суета, а громкие крики докеров смешивались с ненормативной лексикой.

А все началось каких-то две недели назад. Меня неожиданно вызвал шеф питерского отделения Агентства и сделал предложение, от которого я не смог отказаться. А именно — отправиться в очередную командировку в очередную горячую точку на борту одного из кораблей объединенной эскадры Северного, Балтийского и Черноморского флотов.

Корабли следовали в Сирию, где фактически шла гражданская война с применением тяжелого оружия. Эскадра должна была «показать флаг» соседям Сирии, мечтавшим под шумок урвать от раздираемой внутренней смутой страны лакомые кусочки ее территории. А у нас в Сирии были свои интересы, плюс база в Тартусе — единственное (не

считая Севастополя) заграничное место базирования российских кораблей.

Командировка должна быть интересной и, скажем прямо, опасной. Ведь янки и их прихлебатели хотели под вывеской «гуманитарной интервенции» повторить иракский и ливийский варианты. С учетом резкого ухудшения отношений между США и Россией — один акт Магницкого чего стоит! — возможны были самые крутые варианты развития событий, вплоть до прямого боестолкновения между нашими и американскими кораблями. Ну, а что за этим могло последовать, даже думать не хотелось.

Оформив в темпе «держи вора» все необходимые документы, я собрал свой походный рюкзак, захватил неразлучный ноутбук и фотоаппарат, и в понедельник семнадцатого декабря отправился к месту посадки на автобус, который должен был доставить меня и других представителей СМИ в Усть-Лугу. Именно там нам и предстояло погрузиться на учебное судно ВМФ с революционным названием «Смольный».

Рандеву было назначено у станции метро «Автово», рядом с танком КВ-85, установленным на постаменте в качестве памятника. В блокаду здесь начиналась прифронтовая полоса.

Для меня это место было не просто памятным, но и святым. В нескольких километрах отсюда, у Старо-Паново, в 1943 году получил осколок в живот мой дед по отцу, Тамбовцев Петр Иванович. На следующий день он умер в полевом медсанбате. Похоронили его на Красеньком кладбище, которое находилось метрах в двухстах от танка-памятника. Позднее рядом с ним похоронили и мою бабу, а еще позже — моих родителей. Все они были блокадниками.

Я приехал на метро за час до назначенной встречи. Сходил на кладбище, смахнул снег с памятника, положил на могилы родных цветы. Потом зашел в стоящий рядом с кладбищем храм Казанской иконы Божьей Матери, помолился, заказал сорокоуст по душам усопших и поставил свечку к иконе Николая Чудотворца — покровителя всех странствующих и плавающих по морям. В числе оных с сегодняшнего дня я мог считать и свою скромную персону.

На выходе из церкви я почувствовал, как вдруг защемило сердце. Почему-то подумалось, что сюда мне уже больше никогда не вернуться... Предчувствие — великая вещь, в этом я сумел убедиться в своих командировках. И оно не раз спасало меня от смерти.

У покрашенного в веселый салатный цвет кэвэшки толпилось десятка два человек. Среди них я узнал и своих коллег — журналистов из ГТРК «Звезда». Кое с кем мне уже довелось побывать в местах, где стреляют, взрывают и убивают.

Помимо «акул пера» у постаментов танка КВ-85 компактной группой стояли десятка полтора неуловимо похожих друг на друга людей среднего возраста. Хотя они отнюдь не были близнецами. Среди них была симпатичная неяркая блондинка неопределенных лет и сразу же бросающийся в глаза высокий брюнет с ярко выраженной восточной внешностью — то ли турок, то ли араб, подумал я.

И все равно, общего между этими людьми было гораздо больше, чем различий. Кого же они напоминали? Скорее всего, коллег, но не нынешних собратьев по журналистскому цеху, азартно обсуждающих предстоящую командировку, а тех, с кем довелось работать четверть века назад.

В те годы я, тогда еще тридцатилетний старлей, служил в одной тихой конторе, трехбуквенная аббревиатура которой была известна всему миру. К началу «катастрофы» я дослужился до капитана, впереди уже маячили майорские погоны, но... Грянул роковой девяносто первый год, и великой страны не стало. А тому образованию, что возникло на ее месте — какое-то невнятное «эсэнге на палочке» — уже были не нужны такие, как я.

Кто-то из моих бывших коллег подался в начальники коммерческих «служб безопасности», кто-то в бандиты, кто-то в бизнес... А я пошел в журналистику, потому что там, где мне когда-то доводилось работать под другой фамилией, я иногда использовал для прикрытия журналистское удостоверение. Ну, а теперь бейджик с надписью «Пресса» окончательно заменил мне корочки сотрудника ПГУ.

Впрочем, некоторые из моей конторы подались и в президенты. С нынешним я знаком не был (у нас были разные направления), но в детстве мы вполне могли с ним встречаться. Ведь школы — моя и его — находились рядом, да и жили мы на соседних улицах. А в числе моих одноклассников были и те, кто неплохо знали Вовку с Баскова переулком.

Журналистская карьера у меня, в общем, заладилась. С помощью старых связей мне удавалось попадать в такие места, куда обычным представителям прессы попасть было затруднительно. В основном это были горячие точки. Благодаря оперативным и объективным материалам с мест событий, мое имя достаточно быстро стало широко известно в узких кругах.

Даже в самые мерзкие годы «разгула демократии» я не опускался до откровенных чернухи и заказухи, что было соответствующим образом оценено где надо, и командировки, куда меня направляли, становились все интереснее и интереснее.

Но, несмотря на вполне успешную карьеру, меня не покидала тоска по молодым годам и работе в «конторе»...

Да, кстати, вон с тем подтянутым мужчиной средних лет, с сединой на висках, я уже был знаком. Лет двадцать назад, перед самым августом девяносто первого года, в наш отдел пришел молодой лейтенант... Как же его звали? Кажется, Николай Ильин? Точно, Ильин...

Но — молчок! Машинально погладив свою седую бороду, я скользнул по бывшему коллеге взглядом. Если нам и впрямь по пути, то значит, Николай и по сей день работает в «конторе». Ибо в турпоездку в Сирию сегодня никто уже не ездит. Времени поздороваться и покалякать о делах наших скорбных у нас потом будет предостаточно. Особенно когда вокруг не будет посторонних глаз. Тем более что Николай, встретившись со мной взглядом, чуть заметно кивнул, как бы признавая бывшее знакомство.

В это время от группы московских телевизионщиков меня окликнули:

— Тамбовцев! Александр Васильевич!

Обернувшись, я увидел знакомого мне по командировке на войну «трех восьмерок» телеоператора «Звезды» Андрея Романова. Ну конечно, съемочная группа ВГТРК за аналогичную командировку уже была награждена медалями «За отвагу». Пришло время и парням из «Звезды» зарабатывать награды...

Поздороваться и поговорить с Андреем я так и не успел, потому что именно в это время к танку-памятнику подкатил вместительный «Неотон». Молчаливые люди в штатском компактно расселись на задних сиденьях автобуса, съемочная же группа «Звезды», забросив в багажник свои кофры и ящики с аппаратурой, шумной компанией разместилась спереди.

Романов подсел ко мне, поставив сумку со своей навороченной камерой на пол в проходе.

— Александр Васильевич, здравствуйте! Какими судьбами?

— Теми же, что и ты, Андрей, — ответил я, поудобнее устраиваясь на мягком сиденье у окна. — Командирован редакцией ИТАР-ТАСС в известную тебе страну для освещения известных тебе событий. И, наверно, хватит пока об этом — еще успеем наговориться в дороге.

Автобус тем временем плавно тронулся с места и покатил по проспекту Стачек в сторону Петергофа. Миновав Красное Село, «Неотон» прибавил скорости. Я задумчиво смотрел в окно, прощаясь с родным городом. Ведь человек предполагает, а Бог располагает. И едем мы не в колхоз «Червоное дышло» брать интервью у знатной доярки Марьи Ивановны о рекордных надоях, а в далекую страну, где давно уже полыхает война, подогреваемая силами международного терроризма и странами НАТО, и где счет убитым идет на десятки тысяч. Вполне вероятно, что эта гражданская война в самое ближайшее время перерас-

тет в Большую Ближневосточную, если не сразу в Третью мировую. Андрей Романов понял мое настроение и больше не пытался заговорить.

За окном автобуса плыли присыпанные снегом леса. Разговаривать почему-то совершенно не хотелось, даже с хорошим знакомым. Я все смотрел и смотрел в окно, пытаясь сохранить в памяти картины зимней России.

В Кингисеппе автобус сошел с трассы и повернул в сторону Усть-Луги, где под погрузкой стояло учебное судно «Смольный» Балтийского флота Российской Федерации, на котором мы и должны были отправиться в путешествие.

У причала, кроме нашего автобуса, который привез журналистов и людей в штатском, стояло еще несколько машин и длинный, как песня акына, междугородний автобус MAN. Из него выгружались какие-то люди, в которых опытный глаз мог без напряжения распознать медиков, причем военных. Но для меня все эти наблюдения были излишни, так как среди людей с чемоданами у трапа я снова увидел знакомое лицо.

Игорь Петрович Сергачев, военный хирург, а в далекие шестидесятые — мой школьный товарищ. Последний раз мы виделись с ним в мае этого года, на встрече одноклассников, собравшихся на сорокалетие нашего выпуска.

Именно тогда я прочувствовал то, что ощущают немногие еще живые ветераны Великой Отечественной, собираясь в День Победы — сиротство и горечь потерь. Из тридцати выпускников на встречу в сквер возле нашей школы пришло меньше половины... Иных уж нет, а те далеке. Кто-то бесследно затерялся на необъятных просторах СССР, кто-то уехал «на историческую родину», кто-то умер...

Тем временем Игорь, как будто почувствовав, что на него смотрят, обернулся.

— Компаньеро Алехандро, салюд! — это было его шуточное приветствие еще со школьных времен.

— Геноссе Игорь, и ты туда же? — мы крепко обнялись и начали расспрашивать друг друга, задавая привычные в таких случаях вопросы: как жизнь, здоровье, как дела. Тем более что посадка, похоже, задерживалась.

— Да вот, знаешь, надо попрактиковаться, пока глаз остер и рука тверда, — Игорь характерным жестом размял пальцы в тонких кожаных перчатках. — А то ведь еще пара лет — и годы возьмут свое...

— Ерунда, Игорек, вон, покойный хирург Федор Углов делал операции на сердце в девяностолетнем возрасте. А насчет здоровья, так ты еще простудишься на наших похоронах, вон какой здоровый! — я хлопнул одноклассника по могучему плечу. — Скажи, ты это какими судьбами оказался здесь?

— Скажу тебе по старой дружбе, только ничего не пиши об этом, — Сергачев оглянулся по сторонам. — Формально мы — мобильный госпиталь МЧС, и едем в Сирию на плавучем госпитале «Енисей» оказывать помощь пострадавшим. Но на самом деле здесь собраны опытные военные медики из госпиталей дивизионного и армейского уровня, причем преимущественно с Северного Кавказа. Большинству моих коллег огнестрельные и осколочные ранения, контузии и термические ожоги куда более знакомы, чем простуды, мигрени и запоры. Вот как-то так.

— М-да, дружище, спасибо за инсайд, но о чем-то подобном мне уже мысль приходила в голову, — я понизил голос: — Моя «чуйка» шепчет, что едва мы успеем добраться до места назначения, как начнется или очередное «принуждение к миру», или вообще «интернациональная помощь».

— Ладно, Шурик, увидимся еще, а мне пора.

Медики, получив команду, гуськом направились к причалу, где стоял «Енисей».

А на другом причале, у которого стояли два учебных судна Балтфлота — «Смольный» и «Перекоп», — по трапу на борт длинной вереницей поднимались... Нет, не курсанты военно-морских училищ, а офицеры и солдаты-контрактники, навьюченные вещмешками и баулами. «Да, становится все чудесатее и чудесатее, — подумал я. — Похоже, что в командировке мне будет совсем не скучно».

У трапа «Смольного» пограничники тщательно проверили мои документы, заглянув в какие-то свои шпаргалки. Примерно такая же процедура ожидала меня и на самом судне. Вахтенный сверился с длинным свитком, поставил галочку напротив моей фамилии и дал мне ксерокопию со схемой расположения помещений корабля, где птичкой было отмечено мое жилище на время путешествия.

Двухместная каюта была оборудована в спартанском стиле: две койки, столик, рундук и тумбочка. Вскоре пришел и мой сосед. Им оказался телевизионщик Андрей Романов. Бросив свой сидор на койку, я поднялся на верхнюю палубу. Там уже вовсю шли приготовления к выходу в море. Палубная команда отдала швартовые, буксиры отвели «Смольный» от причала, палуба под моими ногами завибрировала.

Дав прощальный гудок, корабль, раздвигая форштевнем ледяное «сало», плавно и величаво двинулся из Лужской губы в Финский залив. На границе российских территориальных вод, где-то на траверзе Усть-Нарвы, к «Колхиде», «Енисею», «Смольному» и «Перекопу» присоединились сторожевой корабль Балтфлота «Ярослав Мудрый» и танкер «Дубна».

Коля Ильин нашел меня почти сразу же после того, как «Смольный» отошел от причала. Да и какой он теперь Коля? Подполковник Службы внешней разведки Российской Федерации Ильин Николай Викторович. Ага, меня уже переплюнул, салага! Но теперь назвать его так язык не повернется. В самом деле: он вполне солидный мужчина и, с его слов, имеет взрослого сына, который служит офицером в морской пехоте, и дочь-красавицу на выданье.

Мы спрятались с ним от посторонних глаз на корме, под навесом надстройки, где можно было хоть немного защититься от пронзительного холодного ветра, но не от вездесущей морозной сырости. Насколько я знаю своих бывших коллег, на эту встречу Николаю было необходимо получить разрешение от командира группы. Тем более что о моем присутствии на «Смольном» ребятам из «конторы» было, скорее всего, известно заранее. В одном «богоугодном заведении» на меня давно уже собрано досье, пожалуй, потолще, чем бюджетное послание министра финансов Госдуме. Но раз он все-таки пришел, то это значит, что карты легли как надо.

Мы стояли — он покуривал трубку, а я уже лет двадцать, как бросил эту пагубную привычку — и разговаривали вроде бы ни о чем. А в голове крутилась только одна мысль. Сам факт нахождения моих бывших коллег на борту корабля, идущего в Сирию, «Смольный» и «Перекоп», превращенные в военные транспорты и набитые офицерами и солдатами, — все говорило о том, что игры в войну с условным противником закончились и вот-вот пойдет такая пьянка, что последнему огурцу явно не поздоровится. А пока мы рассматривали наш эскорт.

— Серьезный парниша, — кивнул в сторону хищного силуэта сторожевика Николай, — без него нам в Балтике было бы не совсем уютно. Эстов с прочими гордыми шпротоедами наши «партнеры» так накачали, что они просто на ушах стоят.

— Ну, эсты — это известные американские прилипалы, — я плотнее запахнул куртку. — Но в любом случае, знаешь, с этой командировкой я вдруг почувствовал себя, как когда-то в добрые старые времена моей работы в «конторе». Уж больно все быстро произошло, в стиле, типа, «пятнадцать минут на сборы».

Николай пожал плечами:

— Да и я еще вчера утром был не в курсе ни сном ни духом, хотя ты сам знаешь нашу «богадельню»: «Достать луну с неба к завтраму», — или: «Закат солнца вручную»...

— Ну так ведь и доставали же, и закатывали... — вздохнул я. — Вот были времена...

— И небо было голубее, и солнце ярче, и девушки красивее, и мы моложе... — Николай мотнул головой. — Ну, да хватит пессимизма.